

Ранняя осень. Мадонна Марковна и Розалия Петровна. Туалет обеих выдержан в ярких светлых тонах, юбки стали гораздо короче. Розалия Петровна сортирует бумаги. Мадонна Марковна говорит по телефону.

МАДОННА (в трубку, едва сдерживаясь). Я не грублю, вас попросива быть внятной. Тише. Не чаете. Поймите, вы сюда звоните, Бог знает, что вообразив. Ах, даже так? Мой стиль общения был недостаточно красив? Вы подбирайте выражения. Вот именно. Здесь фонд движенья Демографический Призыв. У вас, должно быть, логорея. Простите, фонд — не потеряя. Мужья, простите, — не призы. Фонд это фонд. Да. Тот, который... Вот именно. Имеет честь. И, стало быть, различие есть. Между ним и брачною конторой. (Швыряет трубку).

РОЗАЛИЯ (неодобрительно). Мадонна! Это наш клиент.

МАДОННА. Как надоели эти дуры!

РОЗАЛИЯ. Все так, но есть один момент.

Звонят не сложные натуры.

МАДОННА. Я не хочу, чтоб анекдот Смут в этих стенах утвердился. Еще одна такая птица.

Там за дверью с утра томится. Она сказала: не уйдет. Пока Учитель к ней не выйдет. Погибнет, если не увидит. (Входит Лузган).

ЛУЗГАН. Кто ждет меня? И кто умрет?

МАДОННА. Кто ждет вас? Черт их разберет.

Припадочная там за дверью.

ЛУЗГАН. Мадонна! Попрошу вперед, Чтобы не выйти из доверья, Забыть свое высокомерье. И не забыть — наоборот: Припадочные — наш народ. Дождетесь вы, что пух и перья От вас однажды полетят.

МАДОННА. Вы — мой тиран и супостат.

ЛУЗГАН. Я очень рад. Зовите даму. (Мадонна уходит).

Когда пойдем, смекнем когда мы: Подобные замашки мстят. При этом недостойном чванстве Окажемся в пустом пространстве.

РОЗАЛИЯ. Я говорила.

ЛУЗГАН. Детский сад.

(Мадонна возвращается с Незвестной. Неопределенный возраст. Худа, угловатая, сильная жаскуляция).

Я был вам мужик? Для чего? (Неизвестная опускается на колени). Что с вами?

МАДОННА. Ну и мизансценка.

НЕЗВЕСТНАЯ. Когда я вижу Божество — А я увидела его — Я опускаюсь на колени.

РОЗАЛИЯ. Ну, встаньте.

НЕЗВЕСТНАЯ. Я не поднимусь. Я не встаю, когда молось.

ЛУЗГАН. Да кто вы?

НЕЗВЕСТНАЯ. Дина Хворостенко.

РОЗАЛИЯ. Зачем же биться головой?

МАДОННА. Кто бьется об пол, кто — об стенку.

У каждого обычный свой.

ЛУЗГАН. Встать!

ДИНА. Вам я возражать не смею. Все, что вы скажете, — приказ. Прошу о помощи. В беде я.

РОЗАЛИЯ. Чего вы ищете?

ДИНА. Идем.

Я обрела ее у вас.

О, если б знали вы, с какою Незыяснимою тоскою Пыталась я себя найти. Ни откровенья, ни покоя. А впереди — конец пути. Одна на свете, как в пустыне, Иссохла я в своей гордыне. Да, я была убеждена. Не для того я рождена. Чтоб превратить себя в игрушку В мужских руках. Что я должна Взыть выше. Я была смешна. Мне уготовила ловушку Моя лукавая весна. Судьба взяла меня на мушку: Ты хочешь жизни быть сестрой? Так будь добра, пройди сквозь строй. Сквозь ад и чад. Испей из чаши! И я прошла, и я пила. Покуда я не поняла. Как вероломны страсти наши. Я убедилась: пуст удел Таящихся трансексуалок, А жребий феминисток жалок,

Их шовинизм оскудел. Ни он, ни пафос однополюй. Несчастных женщин не спасут. И нет сомнений: это полый Незаполняемый сосуд. Нелепый, обреченный поиск! А между тем уходит поезд. А между тем все ближе Суд. Устав от жизни бесполезной, Уже пощады запросив, Повисла я над самой бездной. И вот — сбывшись! — как гром небесный. Ко мне донесся ваш призыв. И мне открылось в тот же миг, Что это было святотатство — Так вытоптать свое богатство. Так заболотить свой родник. Пришло заветное прозренье: Не жалуйся, не голоси! Роптать на жизнь — преступление. Когда сегодня население Не пребывает на Руси. Прости мне, Боже, ослепление И от бездействия спаси!

ЛУЗГАН. Отрадно, что суровый час Ответственность рождает в вас. Что наш призыв услышан вами. Нам всем сегодня тяжело. Я тронут вашими словами. И все же, что вас привело? Что нужно вам? Чего хотите?

ДИНА. Быть с вами. Рядом. Не гоните! Мне не нужны ни похвалы, Ни честь, ни деньги, ни карьера. Готова я на роль курьера, Готова мыть у вас полы!

ЛУЗГАН. Я рад, что, вопреки всему, Вы не погрязли в эгоизме. В отдале — оправданье жизни. Я безусловно вас приму. И подыщу для вас работу.

ДИНА. Я буду верно вам служить.

ЛУЗГАН. Отлично. Я вас жду в субботу.

ДИНА. О, только б до нее дожить! (Целует его руку и уходит).

МАДОННА. Шизофреничка.

РОЗАЛИЯ. Не беда.

ЛУЗГАН. Я рад, что человек разбужен.

МАДОННА. Она охотится за мужем.

ЛУЗГАН. Опять?

ЦАЛКИН (входя). День добрый, господа. (Снимает пальто, но не шарф). Прошу прощения, я простужен.

ЛУЗГАН. Пусть Бог простит. Вы — ренегат. Где вы шатались? Нынче вторник.

ЦАЛКИН. Я, между прочим, не затворник. И уж совсем не виноват. Что я сегодня — нарахаиваю.

РОЗАЛИЯ. Бедняжка. Слава оглушила.

ЛУЗГАН. Вы речь прочли?

ЦАЛКИН. Прочел ее.

ЛУЗГАН. И что же?

МАДОННА. Не тяните жилы. Я всю себя в нее вложила.

ЦАЛКИН. Не всю, надеюсь, и не всю.

ЛУЗГАН. Поправили?

МАДОННА (поджимая губы). Могу пред- ставить.

ЦАЛКИН. Зачем? Ее нельзя поправить.

МАДОННА. Вы интриган и каботин!

ЦАЛКИН. Никто не хочет вас ослабить. Резон же у меня один: (Кивая на Лузгана).

Вы можете его подставить.

МАДОННА. Все ясно! Этот господин Бивает между нами клин. Прошу вас от него избавиться.

ЦАЛКИН. Мне непонятен этот жар. Ведь я сюда хожу не в гости.

МАДОННА. Вы измыаетесь.

ЦАЛКИН. Ай, бросьте. Я должен оценить товар — Яичница или божий дар.

МАДОННА. Не все — товар! **ЦАЛКИН**. Не нужно злосты. Ваш шеф мне платит гонорар.

ЛУЗГАН. Прошу конкретнее. Примеры!

ЦАЛКИН. Примеры? Слишком много их. Ну вот хотя бы:

(читает) "Прочь химеры! Смелее сплутнич молодых Леплети!" Может быть, довольно? (читает) "Любитесь вволю в сладкий час!"

МАДОННА. Ах, я шокировала вас?

ЦАЛКИН. Шокировала?

МАДОННА. Чуть фривольно. Однако речь — не реферат И не профессорский трактат. Ей можно быть и солонее.

ЦАЛКИН. О, да. Недаром у краснею От этих огненных цитат.

МАДОННА (Лузгану). Доколе мне терпеть? Доколе?

Леонид ЗОРИН

“Лузган”

(комедия)

Леонид Зорин только что закончил стихотворную комедию “Лузган”, в которой автор наблюдает за созданием “харизматической фигуры”. Фонд “Мораль”, возглавляемый Романом Лузганом, терпит бедствие. Молодой человек Платон, вдохновитель Лузгана, преобразовывает это рухнувшее предприятие в движение “Демографический Призыв”. (“Смешны радеяны и моленья, Когда страна горит огнем И титульное население В ней убывает с каждым днем”). Мы предлагаем читателю картину, завершающую первое действие пьесы. Полностью она будет опубликована в третьем номере журнала “Современная драматургия”.

ЦАЛКИН. “Доколе”. Заучились в школе. “Леплите”. Что за оборот? “Любитесь”. Где вы? в комсомоле? Вокруг все тра-хают-ся вволю. Тупота. Все задом наперед. Вы из каких оранжерей? Вы знаете язык народа? **МАДОННА**. Да! Но народа, а не сброды! **ЦАЛКИН**. Не спорьте, будьте поумудрей. Различия такого рода Смешны на фоне наших дней. Хотя и славится порода, Но беспородность всем родней. **ЛУЗГИН** (горько). Что ж, за ценой не стоим.

ЦАЛКИН. И вы, и штаб — в плену тради-

ций. Вам надо сильно потрудиться. Чтоб стать для публики своим. Понадобится даже грим. Стране нужна родная будка. Вот это все и есть раскрутка. Кто понял, тот неборим. (Отсмеоркавшись) Равно важны и конь, и сбруя. (дамам) Заметьте — все, что говорю я, Касается и вас двоих.

МАДОННА. О, Боже! Только б он затих!

ЦАЛКИН. Ой, дамы, не ломайте руки. Сдалась вам эта мелютшина. Вы поражаете меня. Пред вами — человек науки. Так. Кажется, я все сказал. Прощайте. (Уходит).

РОЗАЛИЯ. Как непререкаем! **МАДОННА**. Казалось, вечность этот Ка-ин Нас хладнокровно истязал. Не понимаю, почему Вы все спускаете ему? Вы! Наш Учитель. Вы! Хозяин.

ЛУЗГАН. Не понимаете? А жаль. Недаром ваши заготовки Так неуклюжи и нелепки. Не речь — какая-то скрижал. Вы в прошлом намертво застряли. Вас цепко держит фонд “Мораль”. И под улоом его морали Вы, откровенно говоря, И смотрите на мир. А зря. Мы ту игру уже сыграли. Уж нет того монастыря. В котором вы могли укрыться. Есть новый дом. В нем свой устав. Но, преждевременно устав, Вы все не можете смириться. Да, Цалкин дерзок, груб, гнусав. Возможно, он самонадеян. И вообще — совсем не граф. Но дело в том, что Цалкин прав. Смешно, служа моим идеям

Уподобляться орхидеям. Прошу переменить свой нрав. В пределах созданного фонда Недопустима ваша фронтда. Запомните. (Радостно). Вот и она. Я ждал вас, Майя Москваина. (Майя все так же динамична. Кивком здоровается с дамами).

МАЙЯ. Но я пришла без опоздания.

ЛУЗГАН. Не спорю, милое создание, И рад я этому вдвойне. Но что такое — ожиданье, Я расскажу наедине. (Розалия и Мадонна с подчеркнутой го- товностью покидают комнату).

МАЙЯ. Итак. Печальный прецедент Мы лучше поскорей забудем. Наш диалог не вышел к людям, Но — ни при чем корреспондент. Вы погрузили в почуе фонд. И вдруг — как дерзкий архитектор — Сменили стиль, масштабы, вектор И преобразовали фонд. Вы поступили, как природа, Меняющая жар на лед. Теперь читатели “Восхода” Хотят понять ваш новый взлет.

ЛУЗГАН. Я сделал все наоборот. Я поменял альпийский холод Моралистических доктрий На внешнее тепло долин. На пламень тех, кто просто молод, И тех, кто молод до седин. Возможно недруги мои Меня хулюю замарали. Но я совсем не враг себе, И я не изменил морали. Все это вымыслы. Отнюдь! Хочу сознание всколыхнуть, Дабы моралью не карали, Дабы семье не обкорнали Деторожденья. Вот в чем суть! Я вам скажу исповедально: Морально то, что натурально. А если далее взглянуть — Что натурально, то здорово. Когда я начинал свой путь

На пыльных улицах Азова, Я это постигал нутром. Ночная страсть, как майский гром — Хоть и старо, но вечно ново! Не зря в стоглиной жизни склочной, Глотая на ночь люминал, Я с добрым чувством вспоминал Работниц ц фабрики чучлоной. Я не желаю сейчас вокруг. Их нравы — строгий иль не строгий. И я не стану утверждать, Что это были недотроги. Но и в греховности своей Она не в моде. Я смеюся. Они — теперь, я это вижу — Иных смиренчик были ближе Естественнее и щедрей.

МАЙЯ. Вы мыслите свежо и смело. Однако дети, то и дело, Растут не только без отцов, Но и без мам.

ЛУЗГАН. Не тратьте слов. И я противник беспределя. И я реальностью пронзен. Но и реальность — не резон, Чтобы земля осиротела. Простите эту резкость мне: Легко печалиться в газете, Или в уютном кабинете. Вздыхать о чинной старине. Еще милей сидеть в буфете, Судить, оставшись в стороне. Но высший смысл в том, что дети Рождаются на белом свете И — главное! — в твоей стране. Я говорю: мы все в ответе! Мужчина, если ты не смолк И если ты еще мужчина, Пусть будут у тебя два сына, Две дочери. Исполни долг. Перед отечеством и веком. Ты, Женщина, будь человеком! Не уклоняйся, не скули. Рожай строителей земли! Но — важно обладать программой, Чтоб день рождения не был драмой. Чтоб не ждала детей чума Бездомной жизни или тюрьма. Я предлагаю: часть дохода С продукта каждого ума, С уголья, пашни, огорода, Со стадиона и завода Отдать на детские дома. Другого просто нет исхода. Я спрашиваю у народа: Тупик иль выход? Свет иль тьма? Наш выбор чист и безусловен. Мы все даем последний шанс. И вспадем ни в сон, ни в транс, Покуда мы не восстановим Демографический баланс. (Короткая пауза).

Простите мне излишний пыл. Подобным воплескам я подвержен. Но пусть я был не очень сдержан, Зато я откровенен был.

МАЙЯ. Ну, что вы? Искренность приятна. Я высоко ценю ее. Благодаря вам. Все понятно.

ЛУЗГАН. Вам все понятно? Мне — не все.

И с той же искренностью, Майя, Скажу вам, правды не тая. Я одного не понимаю: Как эта Майя — не моя?

МАЙЯ. И так. Здесь спрашиваю я. Не отвечая на вопросы.

ЛУЗГАН. Ну, этот тон — из мира прозы. А прозе я уж отдал дань. Теперь поэзия колдует. Воображение рисует Пейзаж: лесная глухомань. Стрелок охотится за ланью.

МАЙЯ. Хоть вы стрелок, но я не лань. Да и не агнец для закланья. У вас, дружок, свои желанья, А у меня — свои. Весь сказ.

ЛУЗГАН. Вот это разговор о деле. Итак. Чего бы вы хотели?

МАЙЯ. Вам все скажи.

ЛУЗГАН. И все — сейчас.

МАЙЯ. Мне как-то развяснял Лузган, Какую силу и влияние Имеет маленький экран. Меня влечет его сиянье. Мне близко это волшебство. Оно престижно и элитно.

ЛУЗГАН. Но я же обличал его!

МАЙЯ. О, да. Но очень аппетитно.

ЛУЗГАН. Я был уверен до сих пор. Газетчик вы — по биокоду.

МАЙЯ. Увы. Меняется погода И вот газетный репортер Мечтает выйти на простор, Чтобы подписчики “Восхода”, В экран уткнувшись голубой, Могли увидеть пред собой, Кого обычно лишь читали.

ЛУЗГАН. Постиг. Все прочее — детали. Я вам ручаюсь головой: Читатели увидят Майю.

МАЙЯ. Рискуете серьезно вы. Препятствий выше головы.

ЛУЗГАН. Я все препятствия ломаю. (Обнимает ее).

МАЙЯ. Спокойно! Что случилось вдруг?

ЛУЗГАН. Что делать? Я сейчас — уютю. Невероятно раскаленный. Я просто провод оголенный.

МАЙЯ. Умерьте прыткость ваших рук.

(Он целует ее). Ну вот. На что это похоже? Вести себя вам надо строже. Мне кажется, Платон — ваш друг.

ЛУЗГАН. Платон мне друг, но вы доро- же.

(Между тем Платон уже появился).

ПЛАТОН. Сдается, милостивый Боже, Что горячо сейчас вокруг.

ЛУЗГАН. Нет, нет! Ни дыма, ни огня! Я встретил в Майе солидарность — И перепопила меня И выплеснула благодарность. Она не в моде. Я смеюся.

ПЛАТОН. Кто лишь собою оглушен, Тот демонстрирует бездарность. Я был бы просто сокрушен. Найдя в тебе элементарность. Но ты, по счастью, не лишен Достойных чувств. Приятно слышать. Не в моде? Пусть. Без них не выжить. Лишь благодарный индивид Хоть удивит, да устоит.

ЛУЗГАН. Такие взгляды украшают.

ПЛАТОН. Но в мясорубке наших лет Отнюдь не взгляды все решают. Тем более, нас окружает Всяма неблагоприятный свет. Вот, кстати, документ достойный.

ЛУЗГАН. Что это?

ПЛАТОН. Письмечко одно. Как говорил поэт покойный: “Уже не первое оно”.

ЛУЗГАН (доставая из конверта листок). Я ненадолго вас покину. Твой голос не сулит добра. Предчувствие удара в спину Томило с самого утра. (Уходит).

ПЛАТОН (вслед). Ну что же, это не хи- мера. Ты на предчувствия горазд. Они — удел визионера.

МАЙЯ. Скажи, какой Эклезиасти! **ПЛАТОН**. Я дал ему змею в конверте.

МАЙЯ. И напугал до полусмерти.

ПЛАТОН. Бог даст, концов он не отдаст. Не повредит. Духовный Гуру Отъел лицо, завел фигуру И что-то слишком стал рукаст. Он больно борзо входит в образ. Уже постыдно знаменит. А впрочем — небольшая доблесть В иные дни отбросить стыд. Ну да мораль — не на- ша область. Уж пусть Гос- подь меня

простит. Нет к обличеньям интереса. Ниспослан свыше всякий строй. Какая б ни игралась пьеса, Я — положительный герой. Ну, как беседа? За игрой О деле не забыла пресса? **МАЙЯ**. Ничуть. Он был резов и мил. В непринужденной обстановке Он прошлое разворошил. Не то чтобы заворожил. Но — после должной подготовки Он все твои формулировки Почти со страстью изложил. Они звучат в его устах Вполне естественно.

ПЛАТОН. Отрадно. Я потрудился не за страх, И Цалкин мне помог изрядно. Да, он — способный паразит. Возможно и не поразит, Но — заразит. Уже немало. Его ты прежним не застала. Я помню первый свой визит — Растерян, нищ, снимает угол У неких огородных пугал. Потерт, издерган и небрит. Наверно, против всяких правил Я на него тогда поставил. Но эта штука удалась. Остался главный шаг. И смело Его я сделаю. Приспело.

МАЙЯ. Другая ждет нас ипостась? (Шум голосов. Входят Лузган, Розалия и Мадонна).

РОЗАЛИЯ. Какая низость! Беспимерно.

МАДОННА. Позорно. Гнусно.

РОЗАЛИЯ. Лицемерно.

ЛУЗГАН. Зачем ты дал мне эту грязь? Я должен был читать о том, Что трудовые береженья Я собираю на радения. О том, что этот дом — Содом! Что я в своем грехопаденье Пропагандирую разврат И прочих нравственный распад!

МАДОННА. Что удивляться? В фонд “Морали” Таких клевет не присылали.

ЛУЗГАН. Я — на Голгофе. Я распят.

РОЗАЛИЯ. Он бел, как бинт! Согреть вам кофе?

ЛУЗГАН. Какое кофе на Голгофе?! Распят — от головы до пят.

МАЙЯ. Ну-ну... Посмейтесь, как фило- соф.

ЛУЗГАН. Есть человеческое дно, И я теперь — мишень отбросов. Ты говоришь, что не одно Письмо такое?

ПЛАТОН. Нет вопросов. Теперь пойдет поток доносов. Уж так у нас заведено. Листок, конверт и карандаш — Давно испытанное войско. Мы — дети школы комсомольской. У нас в крови — писучий раж. Тем более, что опыт наш Нас приучил: где фонд — там скользко. Всегда какая-то возня.

РОЗАЛИЯ. О, Господи, хоть фонд не троньте.

ПЛАТОН (машет рукой). Мы в этом фон- де — как на фронте.

ЛУЗГАН. Сегодня пачкают меня. А завтра среди бела дня Меня пристрелят.

МАДОННА. Боже правый!

ПЛАТОН. Чтоб упредить такой крова- вый И нежелательный исход, Нам надо сделать шаг вперед. Взгляните-ка на путь державы, На биографию страны. Вчитайтесь в славные страницы — Чтоб делу не были страшны Ни павликлянты, ни убийцы, Ни жлобы — нам теперь нужны Не прихожане, а партиицы. Фонд выцвел. С ним пора проститься. Мы партию создать должны. **МАЙЯ**. Однако, если не секрет, И прочий нравственный распад! **МАДОННА**. Что удивляться? В фонд “Морали” Таких клевет не присылали.

ЛУЗГАН. Я — на Голгофе. Я распят.

РОЗАЛИЯ. Он бел, как бинт! Согреть вам кофе?

ЛУЗГАН. Голгофа... Что ж... Я буду ду- мать.

МАЙЯ. Как быт с беседой?

ПЛАТОН. Подождем. Возможно, новые моменты В ней несколько сместят акценты.

МАЙЯ. Второй уж раз!

ПЛАТОН. Возмуж свой срок.

ЛУЗГАН (Майе). Мы встретимся. Наде- юсь — скоро. (Идет).

РОЗАЛИЯ (Платону). Вы — змий!

ПЛАТОН. Не заслужил укора.

МАДОННА. Авантюрист. Смутьян. Иг- рок.

(Дамы уходят).

ПЛАТОН. Как много добрых слов! **МАЙЯ**. За дело. И я еще добавлю: бес! **ПЛАТОН**. Напрасно ты меня задела. Меня хранит любовь небес. Не зря в одно из воскресений Здесь побывал отец Арсений. Он эти стены освящал. А Цалкин силпо сообщал, Что мы — надежда поколений И вскоре сеть пообещал Региональных отделений. Подвижность этого еврея Согрела сердце иерея. Нет, я не бес — и адский хаос Мне чужд. Скорей — я рудимент Тех романтических легенд. В которых старый доктор Фауст Осуществлял эксперимент. Я, как алхимик, напролом Иду, чтоб духа из реторты Извлечь. Чтоб убедить вас в том, Что нет различий. Грани стерты Не только меж добром и злом, Между трагедией и фарсом, Но — между кроликом и барсом, Между героем и шутом. И у разбитого корыта, С гримасой жалкою у рта, Вы согласитесь, что размыта Давно отбраженная черта. Пора отбрасывать копыта. Дом пуст. Иллюзия убита. А век не стоит ни черта!

ЗАНАВЕС